

МОБИ ДИК, ИЛИ БЕЛЫЙ КИТ

Герман Мелвилл

МИ∞

ГЛАВА I

Очертания проступают

Зовите меня Измаил. Несколько лет назад — когда именно, неважно — я обнаружил, что в кошельке у меня почти не осталось денег, а на земле не осталось ничего, что могло бы еще занимать меня, и тогда я решил сесть на корабль и поплавать немного, чтоб поглядеть на мир и с его водной стороны. Это у меня проверенный способ развеять тоску и наладить кровообращение. Всякий раз, как я замечаю угрюмые складки в углах своего рта; всякий раз, как в душе у меня воцаряется промозглый, дождливый ноябрь; всякий раз, как я ловлю себя на том, что начал останавливаться перед вывесками гробовщиков и пристраиваться в хвосте каждой встречной похоронной процессии; в особенности же всякий раз, как ипохондрия настолько овладевает мною, что только мои строгие моральные принципы не позволяют мне, выйдя на улицу, упорно и старательно сбивать с прохожих шляпы, я понимаю, что мне пора отправляться в плавание, и как можно скорее. Это заменяет мне пулю и пистолет. Катон с философическим жестом бросается грудью на меч — я же спокойно поднимаюсь на борт корабля. И ничего удивительного здесь нет. Люди просто не отдают себе в этом отчета, а то ведь многие рано или поздно по-своему начинают испытывать к океану почти такие же чувства, как и я.

Взгляните, к примеру, на город-остров Манхэттен, словно атолл коралловыми рифами, опоясанный товарными пристанями, за которыми шумит коммерция кольцом прибоя. На какую бы улицу вы тут ни свернули — она обязательно приведет вас к воде. А деловой центр

города и самая его оконечность — это Бэттери, откуда тянется величественный мол, омываемый волнами и овеиваемый ветрами, которые всего лишь за несколько часов до этого дули в открытом море. Взгляните же на толпы людей, что стоят там и смотрят на воду.

Обойдите весь город сонным воскресным днем. Ступайте от Корлиерсовой излучины до самых доков Коентиса, а оттуда по Уайтхоллу к северу. Что же вы увидите? Вокруг всего города, точно безмолвные часовые на посту, стоят несметные полчища смертных, погруженных в созерцание океана. Одни облокотились о парапеты набережных, другие сидят на самом конце мола, третьи заглядывают за борт корабля, прибывшего из Китая, а некоторые даже вскарабкались вверх по вантам, словно для того, чтобы еще лучше видеть морские дали. И ведь это всё люди сухопутных профессий, будние дни проводящие узниками в четырех стенах, прикованные к прилавкам, пригвожденные к скамьям, согбенные над конторками. В чем же тут дело? Разве нет на суше зеленых полей? Что делают здесь эти люди?

Но взгляните! Всё новые толпы устремляются сюда, подходят к самой воде, словно нырять собрались. Удивительно! Они не удовлетворяются, покуда не достигнут самых крайних оконечностей суши; им мало просто посидеть вон там в тени пакгауза. Нет. Им обязательно нужно подобраться так близко к воде, как только возможно, не рискуя свалиться в волны. Тут они и стоят, растянувшись на мили, на целые лиги по берегу. Сухопутные горожане, они пришли сюда из своих переулков и тупиков, улиц и проспектов, с севера, юга, запада и востока. Но здесь они объединились. Объясните же мне, может быть, это стрелки всех компасов своей магнетической силой влекут их сюда?

Возьмем другой пример. Представьте себе, что вы за городом, где-нибудь в холмистой озерной местности. Выберите любую из бесчисленных тропинок, следуйте по ней, и — десять против одного — она приведет вас вниз к зеленому долу и исчезнет здесь, как раз в том месте, где поток разливается нешироким озерком. В этом есть какое-то волшебство. Возьмите самого рассеянного из людей, погруженного в глубочайшее раздумье, поставьте его на ноги, подтолкните, так чтобы ноги пришли в движение, — и он безошибочно приведет вас к воде, если только вода вообще есть там в окрестностях. Быть может, вам придется когда-либо терзаться муками жажды среди Великой Американской пустыни, проделайте же тогда этот эксперимент, если в караване вашем найдется хоть один профессор метафизики. Да, да, ведь всем известно, что размышление и вода навечно неотделимы друг от друга.

Или же, например, художник. У него возникает желание написать самый поэтический, тенистый, мирный, чарующий романтический пейзаж во всей долине Сако*. Какие же предметы использует он в своей картине? Вот стоят деревья, все дуплистые, словно внутри каждого сидит отшельник с распятием; здесь дремлет луг, а там дремлет стадо, а вон из того домика подымается в небо сонный дымок. На заднем плане уходит, теряясь в глубине лесов, извилистая тропка, достигая тесных горных отрогов, купающихся в прозрачной голубизне. И все же, хоть и лежит перед нами картина, погруженная в волшебный сон, хоть и роняет здесь сосна свои вздохи, словно листья,

* *Сако* — река в штате Мэн, на северо-восточном побережье США.

на голову пастуху — все усилия живописца останутся тщетны, покуда он не заставит своего пастуха устремить взор на бегущий перед ним ручей. Отправляйтесь в прерии в июне, когда там можно десятки миль брести по колону в траве, усеянной оранжевыми лилиями, — чего не хватает среди всего этого очарования? Воды — там нет ни капли воды! Если бы Ниагара была всего лишь низвергающимся потоком песка, стали бы люди приезжать за тысячи миль, чтобы полюбоваться ею? Почему бедный поэт из Теннесси, получив неожиданно две пригоршни серебра, стал колебаться: купить ли ему пальто, в котором он так нуждался, или же вложить эти деньги в пешую экскурсию на Рокэвей-Бич? Почему всякий нормальный, здоровый мальчишка, имеющий нормальную, здоровую мальчишечью душу, обязательно начинает рано или поздно бредить морем? Почему сами вы, впервые отправившись пассажиром в морское плавание, ощущаете мистический трепет, когда вам впервые сообщают, что берега скрылись из виду? Почему древние персы считали море священным? Почему греки выделили ему особое божество, и притом — родного брата Зевсу? Разумеется, во всем этом есть глубокий смысл. И еще более глубокий смысл заключен в повести о Нарциссе, который, будучи не в силах уловить мучительный, смутный образ, увиденный им в водоеме, бросился в воду и утонул. Но ведь и сами мы видим тот же образ во всех реках и океанах. Это — образ непостижимого фантома жизни; и здесь — вся разгадка.

Однако, когда я говорю, что имею обыкновение пускаться в плавание всякий раз, как туманится мой взгляд и легкие мои дают себя чувствовать, я не хочу быть понятым в том смысле, будто я отправляюсь в морское

путешествие пассажиром. Ведь для того чтобы стать пассажиром, нужен кошелек, а кошелек — всего лишь жалкий лоскут, если в нем нет содержимого. К тому же пассажиры страдают морской болезнью, заводят склоки, не спят ночами, получают, как правило, весьма мало удовольствия; нет, я никогда не езжу пассажиром; не езжу я, хоть я и бывалый моряк, ни коммодором, ни капитаном, ни коком. Вся славу и почет, связанные с этими должностями, я предоставляю тем, кому это нравится; что до меня, то я питаю отвращение ко всем существующим и мыслимым почетным и уважаемым трудам, тяготам и треволнениям. Достаточно с меня, если я могу позаботиться о себе самом, не заботясь еще при этом о кораблях, барках, бригах, шхунах и так далее, и тому подобное. А что касается должности кока — хоть я и признаю, что это весьма почетная должность, ведь кок — это тоже своего рода командир на борту корабля, — сам я как-то не особенно люблю жарить птицу над очагом, хотя, когда ее как следует поджарят, разумно пропитают маслом и толково посолят да поперчат, никто тогда не сможет отозваться о жареной птице с большим уважением — чтобы не сказать благоговением, — чем я. А ведь древние египтяне так далеко зашли в своем идолопоклонническом почитании жареного ибиса и печеного гиппопотама, что мы и сейчас находим в их огромных пекарнях-пирамидах мумии этих существ.

Нет, когда я иду в плавание, я иду самым обыкновенным простым матросом. Правда, при этом мною изрядно помыкают, меня гоняют по всему кораблю и заставляют прыгать с реи на рею, подобно кузнечiku на майском лугу. И поначалу это не слишком приятно. Задевает чувство чести, в особенности если

происходишь из старинной сухопутной фамилии вроде Ван-Ранселиров, Рандольфов или Хардиканутов. И тем паче, если незадолго до того момента, как тебе пришлось опустить руку в бочку с дегтем, ты в роли деревенского учителя потрясал ею самовластно, повергая в трепет самых здоровенных своих учеников. Переход из учителей в матросы довольно резкий, смею вас уверить, и требуется сильнодействующий лечебный отвар из Сенеки в смеси со стойками, чтобы вы могли с улыбкой перенести это. Да и он со временем теряет силу.

Однако что с того, если какой-нибудь старый хрыч капитан приказывает мне взять метлу и вымести палубу? Велико ли здесь унижение, если опустить его на весы Нового Завета? Вы думаете, я много потеряю во мнении архангела Гавриила, оттого что на сей раз быстро и послушно исполню приказание старого хрыча? Кто из нас не раб, скажите мне? Ну, а коли так, то как бы ни помыкали мною старые капитаны, какими бы тумачами и подзатыльниками они ни награждали меня, — я могу утешаться сознанием, что это все в порядке вещей, что каждому достается примерно одинаково — то есть, конечно, либо в физическом, либо в метафизическом смысле; и, таким образом, один вселенский подзатыльник передается от человека к человеку, и каждый в обществе чувствует скорее не локоть, а кулак соседа, чем нам и следует довольствоваться.

Кроме того, я всегда плаваю матросом потому, что в этом случае мне считают необходимым платить за мои труды, а вот что касается пассажиров, то я ни разу не слышал, чтобы им заплатили хотя бы полпенни. Напротив того, пассажиры еще сами должны платить. А между необходимостью платить и возможностью получать

плату — огромная разница. Акт уплаты представляет собой, я полагаю, наиболее неприятную кару из тех, что навлекли на нас двое обирателей яблоневого сада. Но когда *тебе платят* — что может сравниться с этим! Изысканная любезность, с какой мы получаем деньги, поистине удивительна, если принять во внимание, что мы серьезно считаем деньги корнем всех земных зол и твердо верим, что богатому человеку никаким способом не удастся проникнуть на небо. Ах, как жизнерадостно миримся мы с вечной погибелью!

И наконец, я всегда плаваю матросом из-за благотворного воздействия на мое здоровье физического труда на свежем воздухе полубака. Ибо в нашем мире с носа ветры дуют чаще, чем с кормы (если, конечно, не нарушать предписаний Пифагора*), и потому коммодор на шканцах чаще всего получает свою порцию воздуха из вторых рук, после матросов на баке. Он-то думает, что вдыхает его первым, но это не так. Подобным же образом простой народ опережает своих вождей во многих других вещах, а вожди даже и не подозревают об этом.

Но по какой причине мне, неоднократно плававшему прежде матросом на торговых судах, взбрело на этот раз в голову пойти на китобойце — это лучше, чем кто-либо другой, сумеет объяснить невидимый офицер полиции Провидения, который содержит меня под постоянным надзором, негласно следит за мной и тайно воздействует на мои поступки. Можно не сомневаться в том, что мое плавание на китобойном судне входило составной частью в грандиозную программу, начертанную задолго до того.

* Древнегреческий философ IV в. до н. э. Пифагор не рекомендовал ученикам употреблять в пищу бобы.

Оно служило как бы короткой интермедией и сольным номером между более обширными выступлениями. Я думаю, на афише это должно выглядеть примерно так:

**ОСТРАЯ БОРЬБА ПАРТИЙ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ВЫБОРАХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
ПУТЕШЕСТВИЕ НЕКОЕГО ИЗМАИЛА
НА КИТОБОЙНОМ СУДНЕ
КРОВАВАЯ РЕЗНЯ В АФГАНИСТАНЕ**

Хоть я и не могу точно сказать, почему режиссер-судьба назначила мне эту жалкую роль на китобойном судне, ведь доставались же другим великолепные роли в возвышенных трагедиях, короткие и легкие роли в чувствительных драмах и веселые роли в фарсах, хоть я и не могу точно сказать, почему так получилось, тем не менее теперь, припоминая все обстоятельства, я начинаю, кажется, немного разбираться в скрытых пружинах и мотивах, которые, будучи представлены мне в замаскированном виде, побуждали меня сыграть упомянутую роль да еще льстиво внушили мне, будто я поступил по собственному усмотрению на основе свободы воли и разумных суждений.

Главной среди этих мотивов была всеподавляющая мысль о самом ките, величественном и огромном. Столь зловещее, столь загадочное чудовище не могло не возбуждать моего любопытства. А кроме того, бурные дальние моря, по которым плывет, колыхаясь, его подобная острову туша, смертельная, непостижимая опасность, таящаяся в его облике, в сочетании со всеми неисчислимыми красотами патагонских берегов, их живописными ландшафтами и многозвучными голосами — все это лишь укрепляло меня в моем стремлении. Быть может, другим

такие вещи не кажутся столь заманчивыми, но меня вечно томит жажда познать отдаленное. Я люблю плавать по заповедным водам и высаживаться на диких берегах. Не оставаясь глухим к добру, я тонко чувствую зло и могу в то же время вполне ужиться с ним — если только мне дозволено будет, — поскольку надо ведь жить в дружбе со всеми теми, с кем приходится делить кров.

И вот в силу всех этих причин я с радостью готов был предпринять путешествие на китобойном судне; великие шлюзы, ведущие в мир чудес, раскрылись настежь, и в толпе причудливых образов, сманивших меня к моей цели, двойными рядами потянулись в глубине души моей бесконечные процессии китов, и среди них — один величественный крутоверхий призрак, вздымающийся ввысь, словно снеговая вершина.

ГЛАВА II

Ковровый саквояж

Я запихнул пару рубашек в свой старый ковровый саквояж, подхватил его под мышку и отправился в путь к мысу Горн, в просторы Тихого океана. Покинув славный старый город Манхэттен, я во благовремении прибыл в Нью-Бедфорд. Дело было в декабре, поздним субботним вечером. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что маленький пакетбот до Нантакета уже ушел и теперь до понедельника туда ни на чем нельзя будет добраться.

Поскольку большинство молодых искателей тягот и невзгод китобойного промысла останавливаются в этом

ОГЛАВЛЕНИЕ

Этимология	6
Извлечения	8
Глава I. Очертания проступают	27
Глава II. Ковровый саквояж	35
Глава III. Гостиница «Китовый фонтан»	41
Глава IV. Лоскутное одеяло	62
Глава V. Завтрак	68
Глава VI. Улица	71
Глава VII. Часовня	74
Глава VIII. Кафедра проповедника	79
Глава IX. Проповедь	83
Глава X. Закадычный друг	95
Глава XI. Ночная сорочка	101
Глава XII. Жизнеописательная	104
Глава XIII. Тачка	108
Глава XIV. Нантакет	114
Глава XV. Отварная рыба	117
Глава XVI. Корабль	122
Глава XVII. Рамадан	143
Глава XVIII. Вместо подписи	151
Глава XIX. Пророк	157
Глава XX. Всё в движении	161
Глава XXI. Прибытие на борт	165
Глава XXII. С Рождеством Христовым!	169
Глава XXIII. Подветренный берег	176
Глава XXIV. В защиту	178
Глава XXV. Постскрипtum	184
Глава XXVI. Рыцари и оруженосцы	186
Глава XXVII. Рыцари и оруженосцы	190

Глава XXVIII. Ахав	197
Глава XXIX. Входит Ахав, позднее — Стабб	202
Глава XXX. Трубка	206
Глава XXXI. Королева Маб	207
Глава XXXII. Цетология	210
Глава XXXIII. Спексиндер	230
Глава XXXIV. Стол в капитанской каюте	234
Глава XXXV. На мачте	242
Глава XXXVI. На шканцах	252
Глава XXXVII. Закат	263
Глава XXXVIII. Сумерки	265
Глава XXXIX. Ночная вахта	267
Глава XL. Полночь на баке	268
Глава XLI. Моби Дик	275
Глава XLII. О белизне кита	289
Глава XLIII. Тс-с!	302
Глава XLIV. Морская карта	303
Глава XLV. Свидетельствую под присягой	311
Глава XLVI. Догадки	324
Глава XLVII. Мы ткали мат	327
Глава XLVIII. Вельботы спущены	331
Глава XLIX. Гиена	345
Глава L. Вельбот Ахав и его экипаж. Федалла	349
Глава LI. Призрачный фонтан	352
Глава LII. «Альбатрос»	358
Глава LIII. Морские встречи	361
Глава LIV. Повесть о «Таун-Хо»	367
Глава LV. Чудовищные изображения китов	396
Глава LVI. Более правдоподобные изображения китов и правдивые картины китобойного промысла	403

Глава LVII. Киты в красках; киты костяные, деревянные, жестяные и каменные; киты в горах; киты среди звезд	408
Глава LVIII. Планктон	412
Глава LIX. Спрут	416
Глава LX. Линь	419
Глава LXI. Стабб убивает кита	424
Глава LXII. Метание гарпуна	431
Глава LXIII. Рогатка	433
Глава LXIV. Ужин Стабба	435
Глава LXV. Кит как блюдо	446
Глава LXVI. Акуля бойня	449
Глава LXVII. Разделка	452
Глава LXVIII. Попона	454
Глава LXIX. Похороны	458
Глава LXX. Сфинкс	460
Глава LXXI. История «Иеровоама»	464
Глава LXXII. «Обезьяний поводок»	472
Глава LXXIII. Стабб и Фласк убивают настоящего кита, а затем ведут между собой беседу	478
Глава LXXIV. Голова кашалота — сравнительное описание	486
Глава LXXV. Голова настоящего кита — сравнительное описание	492
Глава LXXVI. Стенобитная машина	496
Глава LXXVII. Большая гейдельбергская бочка	499
Глава LXXVIII. Цистерны и ведра	502
Глава LXXIX. Прерии	508
Глава LXXX. Орех	511
Глава LXXXI. «Пекод» встречается с «Девой»	515
Глава LXXXII. Честь и слава китобоя	530

Глава LXXXIII. Иона	
с исторической точки зрения	535
Глава LXXXIV. Запуск	538
Глава LXXXV. Фонтан	541
Глава LXXXVI. Хвост	549
Глава LXXXVII. Великая армада	555
Глава LXXXVIII. Школы и учителя	572
Глава LXXXIX. Рыба на Лине и Ничья Рыба	578
Глава XC. Хвосты или головы	583
Глава XCI. «Пекод» встречается с «Розовым бутеном»	588
Глава XCII. Серая амбра	597
Глава XCIII. Брошенный	601
Глава XCIV. Пожатие руки	607
Глава XCV. Сутана	612
Глава XCVI. Салотопка	614
Глава XCVII. Лампа	620
Глава XCVIII. Разливка и приборка	621
Глава XCIX. Дублон	625
Глава C. Нога и рука. «Пекод» из Нантакета встречается с «Сэмюэлом Эндерби» из Лондона	635
Глава CI. Графин	645
Глава CII. Под зеленой сенью Арсакид	652
Глава CIII. Размеры китового скелета	658
Глава CIV. Ископаемый кит	661
Глава CV. Уменьшаются ли размеры кита? Должен ли он исчезнуть с лица земли?	667
Глава CVI. Нога Ахава	673
Глава CVII. Корабельный плотник	676
Глава CVIII. Ахав и плотник	681
Глава CIX. Ахав и Старбек в каюте	687
Глава CX. Квикег и его гроб	690

Глава СХI. Тихий океан	698
Глава СХII. Кузнец	700
Глава СХIII. Кузнечный горн	704
Глава СХIV. Позолота	709
Глава СХV. «Пекод» встречает «Холостяка»	712
Глава СХVI. Издыхающий кит	716
Глава СХVII. Китовая вахта	718
Глава СХVIII. Квадрант	720
Глава СХIX. Свечи	724
Глава СХХ. Палуба к исходу первой ночной вахты ...	734
Глава СХХI. Полночь на баке у борта	735
Глава СХХII. Полночь на мачте. Гром и молнии	737
Глава СХХIII. Мушкет	738
Глава СХХIV. Стрелка	742
Глава СХХV. Лаг и линь	747
Глава СХХVI. Спасательный буй	752
Глава СХХVII. На палубе	757
Глава СХХVIII. «Пекод» встречает «Рахиль»	760
Глава СХХIX. В каюте	765
Глава СХХХ. Шляпа	768
Глава СХХХI. «Пекод» встречается с «Восхитительным»	774
Глава СХХХII. Симфония	776
Глава СХХХIII. Погоня, день первый	782
Глава СХХХIV. Погоня, день второй	795
Глава СХХХV. Погоня, день третий	808
Эпилог	825